Когда Олесь находился в политзаключении, я мыслью проникала к

Валентина Бердник-Сокоринська

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жена всемирно известного украинского писателя и философа, три года назад потерявшего речь после третьего инсульта, рассказывает историю их любви, ставшую легендой

- Валентина Бердник-Сокоринська

Валентина Бердник-Сокоринська Когда Олесь находился в политзаключении, я мыслью проникала к нему сквозь стены

Жена всемирно известного украинского писателя и философа, три года назад потерявшего речь после третьего инсульта, рассказывает историю их любви, ставшую легендой

Татьяна Нетудыхата, специально для "фактов"

Еще три года назад писателя Олеся Бердника можно было увидеть на центральных улицах Киева. Он был своего рода экзотикой, украшением столицы. Ростом в два метра, по-богатырски широкий в плечах, с развевающейся бородой и густыми седыми усами, он напоминал славянского волхва, пришедшего к нам из глубины столетий. Такой же Бердник и в украинской литературе — крупный, экзотичный, дерзновенный. Философы сравнивают его с духовным отцом арийских "белокурых бестий" Ницше: своим мировоззрением Олесь Бердник тоже утверждал, что Бог в наши дни умер. "Озверели люди, озверели и боги всех народов и рас. Разве не благословляют они тот адский ужас, который трясет землю, отзываясь мукой в дальних мирах?" — писал Олесь Павлович в одном из последних своих произведений. Сегодня писатель, перенесший три инсульта, прикованный к постели, медленно угасает в живописном селе Гребени, раскинувшемся на высокой днепровской круче, и уже сообщил родным точную дату своего ухода в мир иной.

Такими людьми гордятся соседние страны, но не мы.

Жена Валентина Сергеевна отнеслась к решению мужа так же естественно, как реагируют люди на смену времен года. Неестественным в судьбе философа, возможно, является тот факт, что Россия гордится своим научным фантастом Иваном Ефремовым, почитает эзотерика Даниила Андреева, раскрывшего духовную суть многих общественных явлений, а Украина стесняется признаться, что у нее есть сын не менее высокого духовного полета.

За Олесем Бердником в свое время толпами ходила интеллектуальная молодежь, его книги, в том числе бестселлер "Зоряний корсар", в семидесятые были изданы на двадцати шести языках мира. Этот факт ничуть не помешал в 1974-м исключить Олеся Бердника из Союза писателей Украины, а в 1979 отправить

в лагеря за участие в создании Украинской Хельсинкской группы. Спустя много лет после той страшной каторги он познакомился со всемирно известным американским фантастом Ричардом Бахом, автором нашумевшей в восьмидесятые книги "Чайка по имени Джонатан Ливингстон". Американец искренне признавался, что никогда не вынес бы тех испытаний, которые выпали на долю Олеся Бердника в советском Гулаге… Мы беседуем на веранде дома с Валентиной Сергеевной. К Олесю Павловичу она практически никого не пускает, дабы оставить в воспоминаниях людей образ сильного, здорового, красивого человека. Три года молчит писатель — с третьим инсультом ушла речь. Валентина Сергеевна читает мужу отрывки из книг, иногда приносимых для отзыва. Свою оценку Олесь Павлович выражает жестами. Иногда он слушает радио и смотрит телевизор.

Я призналась Валентине Сергеевне, что давным-давно слышала легенду об их необычном браке. Ведь сколько мытарств довелось пережить этой женщине, когда ее муж попал в политзаключение!.. Валентина Сергеевна ушла в дом, а через несколько минут вернулась преображенная: распустила свои пышные серебристые волосы, надела кокетливую кружевную шляпку, легкую весеннюю пелерину. Я поняла: эта женщина не может быть простой, обыденной, когда речь заходит о святом чувстве — ее любви к Олесю.

— Что сказали родители, когда узнали, что ваш избранник намного старше? Вам ведь было всего 22, а ему аж 44…

— Я пригласила Олеся к себе домой на Черкасщину. Родителям представила его как друга. Но мама сразу поняла, что Олесь Павлович — не просто мой друг, а человек, которого я очень люблю. Она спросила: "Какие у тебя отношения с этим мужчиной?" Я, робея, ответила: "Не знаю. Но если он предложит выйти за него замуж, сделаю это без малейших сомнений, поскольку не мыслю своей жизни без него". Мы сели за стол, мой отец налил по рюмке и печально так произнес, обращаясь к Олесю: "Завязали вы мир нашей Вале". Тогда Олесь взял его спокойно за руку и произнес: "Сергей Игнатьевич, я развязал ей мир…" Больше родители никогда не поднимали этот вопрос. Возможно, в глубине души они думали, что с моей стороны это был расчет, ведь в те времена имя Олеся Бердника было чрезвычайно популярно. Но прошло несколько лет, Олеся арестовали, мама приехала навестить меня и нашу маленькую дочурку — и удивилась, увидев дом знаменитого писателя. Это был небольшой садовый домик, в котором мы прятались от КГБ, стены как решето… Зимой мы с маленьким ребенком на руках сидели около печки, чтобы не замерзнуть.

— Когда ваша мама увидела все это, наверное, забрала к себе?

— Нет. Я не поехала. Понимала: стоит сделать такой шаг — Олесю сразу передадут, что жена от него отказалась. И это могло сильно подорвать его здоровье, его веру. Один сотрудник КГБ приехал ко мне и спросил: "А вы знаете, что ваш Олесь Павлович постоянно в другим женщинам ходил? Мы обнаружили у него столько ключей от чужих квартир…" Я схватила жердь и начала изо всех сил молотить кагебиста по спине. Хорошенько поцарапала. Он доложил своему руководству, меня вызвал в Киев начальник оперативного отдела и сказал: "Больше не делайте такого!" Я спросила: "Как вас зовут?" — "Евген Кириллович Марчук", — ответил он. Тут я разошлась еще пуще: "Так вот, Евген Кириллович, если вы такое будете говорить, я и вам глаза выцарапаю — не только вашим хлопцам!" А он наклонился ко мне и прошептал: "И правильно сделаете!"

— Но в глубине души вы, наверное, понимали, что у Олеся Павловича могло быть очень много поклонниц — у него столь загадочная внешность…

— Когда мы только встретились, я видела, что его любят все. Он мог любить других женщин, как своих сестер, как соратниц. Олесь был очень нежным человеком. Многие не могли поверить в это, видя, какой он крупный. Женщины часто спрашивали меня: "Как ты его, такого большого, не боишься?" Ох, знали бы они, насколько сентиментальным был наш Олесь. Меня он называл в основном солнышком, иногда Валюнчиком. Каждое утро, просыпаясь, целовал всех в доме. Точно так же целовал всех наших гостей — встречая и провожая.

"Нас познакомила… бывшая жена Олеся"

— Можно не сомневаться в том, что история вашего знакомства с Олесем Павловичем была похожа на сказку…

— Я была влюблена в высокого светловолосого "деда", с которым часто встречалась по пути в институт легкой промышленности. Не зная, что он и есть Олесь Бердник, целых полгода ходила за ним — даже заходила в книжные магазины. Мне было интересно знать, что читает мое божество.

— А книжки Олеся Бердника вы в то время читали?

— Взахлеб прочитала "Зоряний корсар", "Чашу Амріти", но писателя в лицо не знала — его портрет никогда не печатали.

— И как же тайное стало явным?

— О, это необыкновенная история. Я случайно познакомилась с женщиной, которая давала мне читать книги, чрезвычайно редкие в те времена: "Живую Этику", например, "Тайную Доктрину" Блаватской. Однажды пригласила меня в

гости и, пока мы пили чай, позвала: "Олесь, присоединяйся к нам". И тут из соседней комнаты вышел… мой "дед"! Как оказалось потом, моя знакомая была его женой. Расставшись как супруги, они не порвали дружеских отношений по сей день. Олесь приходил к ней, как и я — за книгами, и она пообещала познакомить его с "одной девушкой", то есть со мной. Убеждала: "Поверь, эта девушка будет тебе хорошей женой".

— Вы никогда не интересовались у Олеся Павловича, как он на вас отреагировал во время первой встречи?

— Как ни странно, про себя он сразу стал называть меня женой. Олесь признавался, что первым делом отметил: "Какие карие, блестящие глаза у моей жены!" В тот же вечер обнаружилось, что я не ем мяса, и он подумал: "Как хорошо, что моя жена — вегетарианка…" Через несколько лет меня спрашивали в КГБ: "Когда вы познакомились с Бердником?" Я отвечала: "19 февраля 1972 года". Они задавали следующий вопрос: "А когда вы начали с ним жить?" Я повторила: "19 февраля 1972 года". "Как, так сразу и начали?" — не скрывали своего удивления кагебисты. "Да, в ту же минуту, — дерзко отвечала я. — С Олесем Павловичем мы едины именно с того дня."

"Освободил мужа Евген Марчук"

— Когда Олеся арестовали, я пережила шок от этой несправедливости и три дня не могла двигаться, — продолжает моя собеседница. — С того момента начала чувствовать, каково в тюрьме моему мужу. Я знала, когда он начинал голодовку и когда из нее выходил. Пока он находился в заключении, я мыслью проникала к нему сквозь тюремные стены. Как только чувствовала, что Олесю плохо, сразу звонила Евгену Марчуку и просила, чтобы обратил на Олеся внимание. Однажды Евген Кириллович сказал мне: "Подавайте документы на пересмотр дела". Я поняла: если такой человек сделал намек, освобождение возможно. Вскоре умирает Брежнев, вслед за ним другие кремлевские "долгожители", в воздухе запахло переменами. Похоже, Евген Марчук симпатизировал Олесю как писателю — он ведь не мог, занимаясь его делом, не читать его книги… Через десять дней после смерти Андропова Олеся освободили. Он приехал домой в сопровождении Марчука. Тот, войдя в дом, поставил на стол большой чемодан с рукописями и сказал: "Здесь хватит работы на три научных института".

— Вы, наверное, ни разу в жизни по-настоящему не ссорились с мужем?

— Могли спорить из-за какой-то книги или выбирая в огороде место для арбузов (Олесь их очень любил). Детей мы не

наказывали. Однажды я попыталась наказать сынишку, родившегося через год после освобождения Олеся, но муж на меня так посмотрел… Олесь ведь любил все на свете: облака, деревья, цветы, животных… Что говорить о детях?

— Многие, наверное, жалеют вас — такая непростая судьба… А вы сами?

— Судьбу свою любить надо, как собственного ребенка. Если она трудная, ее еще больше следует любить. Этим мы помогаем судьбе измениться. К тому же я считаю, что настоящая жизнь на Земле должна быть испытанием.

P.S. В день Троицы в дом к Бердникам по традиции приедут самые близкие друзья, чтобы сфотографироваться на память.

Олеся Павловича вывезут во двор и, если дождь не помешает, оставят там до поздней ночи — он любит рассматривать звездное небо… Собственно, он уже почти его житель.